

Тяжесть и нежность

Ощущая 1961-2001-28 марта - с. 10.

Признаться, не очень-то хотелось идти на выставку с названием «Высшая мера» в Центре им. А.Д. Сахарова. Это был проект художника Семена Агроскина, победивший в конкурсе под общим «сахаровским» названием «Тревога и надежда». С экспозиции Агроскина начинается показ пяти победивших проектов.

Ну, конечно, гуманизм, идеалы, правосудие, милосердие, справедливость... Все понятно. И я за отмену этой самой меры, ну, которая «высшая». Но идти не хотелось. Все же достаточно в нашей жизни мрачного и тревожного, чтобы добавлять к этому еще и впечатление от искусства. Да и будет ли искусство? — вертелось в голове. Несколько выставок, которые я видела в этом зале, были социально острыми и животрепещущими, но к искусству имели отношение достаточно косвенное.

Экспозиция Агроскина удивила. В недавней статье о выставке Максима Кантора («ОГ», № 45) я поражаюсь какой-то неоправданной социальной ожесточенности авторского взгляда, увидевшего в России только «пустырь». Здесь же поразило неожиданное преобразование мрачной темы, глубина и многослойность авторского видения. Социальный

аспект проблемы смертной казни уступил место общечеловеческому и даже, как ни странно это прозвучит, поэтическому, но ведь настоящее искусство всегда держится на странностях и парадоксах!

Художник устроил нечто вроде представления, современного «перформанса», когда зритель может свободно войти в «художественное пространство», представляющее собой окрашенные в серый цвет коробки тюремных камер вдоль стен.

Десять камер с девятью человеческими фигурами в них. Ярко освещенная внутренность «коробки» видна сквозь большие «окна», завешанные прозрачным тюлем. Перед зрителем предстают стоящие и сидящие, взволнованные и оцепеневшие «узики». Скульптуры ли это? Я бы не решилась называть эти фигуры полноценной скульптурой, да, думаю, автор и не претендует на лавры Родена или Генри Мура. Это, скорее, некие «знаки» человеческих состояний. «Непритязательность» тут подчеркивается самим материалом — не «серьезная» бронза, дерево, мрамор, а раскрашенный пенопласт. Но эта авторская «придумка» дает неожиданный эффект легкости и воздушности. На эту же «воздушность» работает и легчайший тюль.

«Сестры — тяжесть и нежность», — писал Мандельштам. И Семен Агроскин парадоксально соединил на своей выставке «тяжелое» и «легкое», «нежное», поэтическое. Понимаешь, что разговор ведется не просто и не только о «судебных делах», но о человеческой жизни вообще. И вот почему деревянный помост в центре зала с простецким столом и стулом воспринимается уже не только как «районный суд», где выносятся приговоры, но и как некая «высшая инстанция», по-кафкиански прикинувшаяся обычной канцелярией. А камеры начинают восприниматься как жилища обыкновенных людей, нас с вами, тоже подчас одиноких, страдающих, погруженных в раздумье. И над каждым ведь тоже творится таинственный «высший суд» жизни. В этом контексте последняя — пустая — камера не только напоминает о «высшей мере», но и какое-то таинственное пространство, наполненное светом и воздухом. Не судебные проблемы, а само «чудо жизни» — вот что волнует художника. Захватывающее и бесконечно хрупкое. Но ведь за этим «преображением» мы и ходим на выставки.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ